

Священник Иван БЕЛЛЮСТИН

Русь православная

«Русь православная...»

Всякий раз, когда мы слышим эти слова, вся душа наша возмущается чувствами скорби, досады, негодования и невыносимой боли. Где оно, это православие, которым хвалится Россия, в каком звании, в каком сословии? Судьба сталкивала нас с лицами всех званий, всех сословий, кроме самых высших, — и редко где встречали мы Православие истинное, твердое, чистое, ничем не сокрушимое; везде или полное отсутствие его, ярко выражающееся в жизни, делах и даже словах, или один призрак, ограничивающийся внешностью, обнаруживающийся в возгласах об испорченности века, в праздном разглагольствовании о высоких тайнах христианства, в иезуитской¹ нетерпимости по отношению к другим, прикрывающейся ревностью о славе Божией², в глубочайшем фарисейском лицемерии. Где оно, Православие истинное, — в этом ли господине, который смело и необязанно попирает все заповеди Евангелия, все уставы и постановления Церкви, который не считает грехом всячески давить подчиненных своих, отовсюду выжимать копейку, который на всяком шагу готов ограбить, обмануть, стереть с лица земли другого и который во зле приобретенное иждивает еще хуже — на удовлетворение самых грубых, скотских страстей? В этом ли монахе, который поставил себе целью жизни грубейший эпикуреизм и домогательство, во что бы то ни стало, честей и отличий, если б даже для этого пришлось сжечь всю свою совесть, сгубить сотни собратий своих? В этом ли священнике, с головою погрязшем в поганом омуте жизни? И не из таких ли неделимых состоит почти вся Русь? Нам укажут на исключения. Да, исключения встречаются, но часто ли? Что значит какая-нибудь единица при десятках и даже сотнях тысяч?! «Русь православная!!»

Наши архипастыри, уже не осмеливаясь назвать православными другие сословия, говорят обыкновенно, что Православие сохраняется неизменным в сословиях низших, именно — в простонародье. Но знают ли они сами, что говорят? Имеют ли хоть какое-нибудь понятие о вере и верованиях нашего простонародья? Нет, скажем прямо и положительно, они не имеют ни малейшего понятия об этом и говорят или с чужих слов, или для того, чтобы сказать что-нибудь. Не сказали бы они этого, если бы жили среди крестьян. Мы жили, мы знаем и выскажем не обвиняя всю правду. Пусть каждый из них на деле поверит наши слова; и если найдет одно слово, одну букву лжи, мы заранее обрекаем себя на казнь, какую только угодно будет ему придумать.

Крепко сохраняет наше простонародье привязанность к некоторым внешностям религии. Крестьяне считают обязанностью ходить изредка в церковь, исправлять праздники (то есть проводить их в объедении и пьянстве) и т. п.; считают смертельным грехом в пост поесть скоромного, есть яблоки до Спасова дня и т. п. Но взгляните за эту внешность — все ваше сердце растерзается невольно: ни малейшего понятия о духе, об истинном пути ко спасению, об основных догматах религии! «Ты христианин?» — «Да». — «Расскажи что-нибудь о Христе». — «Где нам; мы люди безграмотные». Вот ответ, который вы услышите от крестьян на всем пространстве Руси. «Ты веруешь в Троицу?» «Как же, верую». — «Какие же лица Пресвятой Троицы?» — «Да сначала Бог, потом Божья Матерь и Никола-чудотворец». Таковы познания их в основных догматах веры. «Ты обманул, солгал; разве это можно?» — «Кто же Богу не грешен!» — «А заповеди-то на что?» — «А что это за заповеди, батюшка?» Таковы познания их о долге нравственном!

Да прикажите крестьянину прочитать *Символ веры* *. Из сотни разве один без толку, смыслу и понятия проболтает вам его. Прикажите прочитать заповеди — из тысячи разве один пробормочет их кое-как. Правда, то и другое бойко прочтет мальчик, учащийся или недавно учившийся в сельском училище. Но эти училища существуют лишь в казенных селениях — в имениях господских их нет. В этих училищах учится самое ничтожное число крестьянских детей, не больше как один на сто. Да и учившийся слишком скоро забывает приобретенное в училище, потому что ничем не поддерживается знание его, когда он примется за обыкновенную крестьянскую жизнь. О женщинах уже и говорить нечего. И это христиане, и еще православные!!

После этого можно судить, какова должна быть нравственность их. Как в высших слоях общества qu'en-dira-t-on³ — величайший

двигатель поступков и мерило их внутреннего достоинства; так у крестьян не совесть, не сознание нравственного долга руководят всеми поступками, а боязнь быть наказанными. Самый противный христианству поступок он допускает легко и свободно, если только уверен, что его не будет за это преследовать закон в лице станового. Женщина ничтоже сумняшеся пускается в разврат, если только над ней не тяготееет рука мужа или свекра. Понятно, как глубоко должны быть извращены в них все понятия нравственные. Как образчик, вот один из тысяч нам известных случаев. Женщина исповедовалась. После обыкновенных вопросов священник спросил ее: не знает ли она за собою особенно тяжкого греха. После долгого колебания она, заливаясь слезами, сказала: «Ох, есть такой грех, страшный грех, в котором и прощения мне не будет; такой-то тяжкий грех, что и вымолвить боюсь...» Немалого труда стоило священнику уговорить ее вымолвить. Среди тягчайших вздыханий она сказала: «В прошедший Великий пост, снимая с молока сметану, я соблазнилась, не вытерпела, лизнула два раза сметанки. Вот что сделала я, окаянная». — «Да, нехорошо, очень нехорошо, — сказал ей священник. — Ну, а еще чего не сделала? Например, не соблудила ли от мужа?» — «Как же, бывшее дело!» — преравнодушно и прехладнокровно отвечала она. Могут подумать, что это выдуманно нами, но свидетельствуем Богом, — нет. Именно таковые понятия нравственные у крестьян наших, за чрезвычайно редкими исключениями. Таково христианство православное в наших православных!

И после этого мы еще дерзаем так тщеславиться своим Православием! И наши...⁴ с таким презрением отзываются о других вероисповеданиях! Но, о вы, считающие и называющие себя главами, столпами, оплотами, стражами христианства и чуть-чуть не заместниками Христа, скажите, что сделали вы во многолетнее служение свое истинно полезного для христианства? Мы знаем, что английские епископы на свой собственный счет содержат тысячи училищ, в которых десятки тысяч мальчиков из низших сословий получают первоначальное образование под прямым влиянием духовенства; сделали ль вы что-либо подобное? Пожертвовали ль вы хоть сотую часть своих доходов на издание для бесплатной раздачи каких-нибудь особенно важных и нужных для христианина книг, как это делается в Англии? Даже озаботились ли вы, называющие себя ревнителями христианства, снабдить Евангелием православных христиан, всех, которые пожелали бы иметь его? Стыд и позор! У нас Евангелие (славянорусское) — такая редкость, которую можно купить лишь в столицах и по цене весьма высокой!!! То ли должно быть в Церкви истинно православной? Посмотрите, например,

в церкви лютеранской, которую вы называете неправославною: при лютеранской церкви в С.-Петербурге продаются за совершенный бесценок Библия и отдельно Новый Завет, псалмы Давида и пропасть сочинений мелких; даже бедным раздаются даром. Мы сами, во время студенчества, из любопытства зашли однажды в эту церковь и сказали пастору, что желали бы иметь Библию на немецком языке. По его приказанию нам немедленно подали великолепнейшее издание с превосходными гравюрами. Со страхом спросили мы о цене, думая, что за такую редкость спросят цену, для нас недоступную. «Цены у нас не назначено, — отвечал пастор, — дают кто что может». — «Но такое превосходное издание...» — начали было мы. «Бедным отдается даром, — прервал он, — а вам я дарю». — «Но хоть что-нибудь позвольте заплатить». — «На бедных — извольте». Мы отдали рубль серебром, и он нам прибавил еще миниатюрное издание Евангелия. У нас делается что-нибудь подобное? Нет, нашим архипастырям не до того, чтобы заботиться о возможно большем распространении книг священных между христианами, так называемыми православными!

Этого мало, что сами не думают и не заботятся; даже повелений высших не хотят исполнять. Так, Государю Императору, при самом начале царствования своего, угодно было приказать, чтобы составлен был комитет для составления и издания популярных сочинений о предметах веры и нравственности. Комитет составлен; всему духовенству разосланы приглашения участвовать в этом прекрасном деле и программы. И что же? Едва ли не этим только все и ограничилось. По крайней мере доселе ни малейшего слуху о действиях его. А ведь в главе этого комитета все столпы православия! Самая программа, обдуманная всем Синодом, показывает, что он, Святейший и Правительствующий, вовсе не понимает духовных нужд и неотложных потребностей нашего простонародья...

Скажем кстати и о том, что, тогда как Библия переведена на все возможные языки, одна Русь православная не имеет ее на своем родном — живом языке⁵. Кому не известно, что славянский язык уже не доступен для большинства, не говоря о простонародье, даже высших сословий⁶. Даже знакомым с этим языком чтение, например, пророков составляет величайшую трудность по чрезвычайной темноте многих мест. А наши столпы и стражи и не помышляют о переводе его! Этого мало, — кто бы поверил, если б не было этого на самом деле? — всеми мерами они противодействуют намерениям и попыткам приступить к переводу его. Какому жестокому иезуитскому гонению подвергся *Павский* * за то, что сделал было величайшую услугу для Церкви, отлитографировал свой академический

перевод!⁷ Если б только было возможно, его, как злейшего еретика, сожгли бы на костре⁸. Нашлись в переводе недостатки? Исправьте их, мудрые и благонамеренные архипастыри. Совсем не годится перевод? Поспешите сделать сами лучший и вернейший, для предупреждения новых попыток. Нет, сами не хотят, и другой не смей сделать этого; иначе — кара жестокая, неумолимая, беспощадная, такая, какая была возможна на Западе в Средние века и возможна теперь на всем земном шаре только в православной Руси от столпов Церкви Христовой! Чем объяснить такие их действия? Одним — упорнейшим и злонамереннейшим стремлением, чтобы свет знаний божественных не проникал в массы, чтобы все бродило в неисходной тьме и сени смертной.

И это Русь православная!!

Правда, Синод наконец нашел нужным учредить по городам и селам катехизаторов. Катехизаторы назначены. Епархиальные архиереи требуют, чтобы они говорили катехизические поучения и в конце года представляли их в особо назначенные комитеты. Но что требования без возможности исполнения?⁹ А мы уже видели положение сельского священника: не до поучений ему, измученному работами! И о действиях комитетов мы уже говорили. Как же выполняется дело в сущности весьма важное? Очень просто: в конце года катехизатор пошлет в комитет деньги и — прав; а не поскупится, так еще и благодарность получит за свое усердное катехизаторство. Но положим, что катехизатор сознает важность дела и по мере возможности говорит поучения; вполне ли достигается цель этого дела — просвещение христиан в основных истинах веры? Не только не вполне, но едва ли и сколько-нибудь достигается. Проверить это нетрудно. Пусть крестьянина в любом селе, лишь только выслушавшего наилучшим образом составленное поучение, спросят: о чем говорил священник? Ни один не ответит толком. А через день, через неделю, через месяц он и слова не вспомнит. Почему? Да потому, что он ничем не был подготовлен к слушанию поучения. И внимательно слушал он, но предмет так нов для него, так труден для его огрубелого разумения, что все слова катехизатора лишь отзывались в его слухе, и ни одно не заронилось в душу и не осталось в ней навсегда. На почве неприготовленной и всей покрытой бурьяном и репейником бесполезно сеять самое лучшее семя. И в этом, в учреждении катехизаторства, как и во всем, Синод выразил полное непонимание дела, решительное неведение нашего простонародья. Прекрасное, бесконечно полезное дело — катехизаторство, если смотреть на него с настоящей точки зрения, но решительно бесполезное — с точки

зрения Синода, что подтверждает повсюдный опыт. Цель поучений катехизических должна быть — напоминать слушателям, поддерживать в них узнанное ими прежде, а не в первый раз только сообщать важнейшие истины веры. Выучить с кафедры крестьянина тому, чего он не слыхивал никогда прежде, дело решительно невозможное. Кто преподавал катехизис, тот знает, что успех дела возможен только при одном условии: если он преподается в строгой последовательности, а не афористически; какой же успех может быть, когда крестьянин выслушает одно поучение, потом пропустит пять и снова явится слушателем? Для самого толкового поучение непонятно, потому что он не слыхал сказанного прежде. Притом поучение — не частная беседа: проповедник следует в нем ходу собственных мыслей, нисколько не сообразуясь с ходом мыслей слушателей; он *читает*, а не *учит*, разумея под этим словом возбуждение посредством вопросов, ответов, возражений собственного сознания учащегося и полное усвоение им преподаваемого. Он прочел и сам не в состоянии дать себе отчета, что для его слушателей осталось непонятым, темным, требующим полнейшего развития и подробнейших толкований. К следующему разу он готовит новое поучение, непонятое прежде так и останется непонятым, темное — темным, к прежнему присоединяется новое, и образуется в голове его слушателей какой-то хаос. Какая же польза от всего катехизаторства?

Нет, не так должны идти дела, если хотят, чтобы православные в самом деле были православными, а не по имени только.

1. При каждой сельской церкви должно быть училище для детей обоюбого пола — на полной ответственности священника. Главнейшим его делом, важнейшею обязанностью должно быть преподавание детям основных истин христианства и начал нравственности. Известно всем и каждому, что лишь в детстве все воспринимается легко и живо. А человеку в пору, задавленному заботами и тяготами жизни, и особенно такой жизни, как у крестьянина, трудно или, точнее, невозможно изучать что-либо новое и вполне усваивать его себе. У нас теперь семилетний возраст положен для начала исповеди, то есть как будто для сознательного участия в таинствах Церкви. Нет, не годы должны определять это начало, а успехи детей. Пусть начинают они исповедаться лишь тогда, как с толком и пониманием сумеют прочитать Символ Веры, заповеди и важнейшие молитвы и уразумеют сообразно со своим возрастом, к чему приступают. Пусть это будет в 8–10 лет, даже позднее, что нужды? Теперь с семи лет и до конца жизни вся исповедь их — не что иное, как бессознательная, ничтожная, бесплодная болтовня. Тогда годом, двумя исповедь начнется позднее, но уже — с сознанием.

2. Вменять в неперемнную обязанность священникам, чтобы они в каждый воскресный и праздничный день по крайней мере два часа между утреней и литургией посвящали на собеседования с своими прихожанами, обращая преимущественное внимание на тех, которые незадолго вышли из училищ, чтобы принятое ими постепенно развивалось, укреплялось и обращалось, так сказать, в плоть и кровь их. Из этих собеседований должен быть изгнан всякий дух школы. Это должны быть семейные, родственные разговоры, где всякий имеет право высказать свою мысль, свои недоумения, требовать объяснения непонятого и пр. И тем удобнее сделать это, что крестьяне из деревень, особенно в зимнее время, бродят без всякого дела по селу из дома в дом, чтобы как-нибудь убить время до литургии, и с радостью согласятся сидеть в одном месте и заняться дельным разговором. Два таких собеседования, живых, искренних, сердечных, будут несравненно полезнее для крестьян, чем двадцать теперешних поучений — *ex officio*¹⁰, холодных, коротких и безжизненных.

3. За учреждением школ и воскресных собеседований уже должно быть введено и катехизаторство. Священник с кафедры коротко, ясно, определенно должен повторить то, о чем беседовал до литургии. Пусть каждое его слово будет понято, принято и врежется в память, потому что крестьянин, которому раскрыты все подробности, легко поймет, в чем дело; душа его будет совершенно настроена и приготовлена к принятию спасительного семени.

4. При каждой церкви должна быть библиотека из книг догматических и нравственных, составленных собственно для простонародья. Наш крестьянин жаждет просвещения; говорим это не с чужих слов, а основываясь на собственном многолетнем знакомстве с ними. В долгие осенние и зимние вечера в доме, где есть грамотей, всегда собрание. Он читает, толкует и объясняет; собравшиеся сначала безмолвно слушают, а потом сами рассуждают, спорят; нередко и вторые петухи пропоют, а они и не думают еще расходиться. К величайшему несчастью, в этом скрывается глубокое зло, о котором наши всезнающие архиереи не имеют ни малейшего понятия. (Откуда и знать им при таком обращении с сельскими священниками?) Раскольники далеко опередили наших православных в просвещении, хоть и превратно понимаемом. Чрезвычайная редкость — раскольник неграмотный и неначитанный, тогда как редкость у православных — крестьянин грамотный и читавший что-либо дельное. Вот почему эти собрания почти всегда бывают в доме раскольника, и разговором управляет он, направляя его к убеждению слушателей в правоте своих верований. Вот почему в деревне, где нет грамотного

(в господских имениях это сплошь и рядом: позволить крестьянам учиться они, слепцы бессмысленные и члены общества неблагонамеренные, считают вредным и гибельным), с восторгом принимают раскольника пришедшего, угощают чем только могут, и держат поочередно по целым неделям. Баба, девка-раскольница — лишь бы умела читать, а таких много — пользуются тем же. К большому несчастью, между раскольниками распространено множество сочинений (в рукописях), грубых, глупых, нелепых, но составленных совершенно в духе и языком крестьян; все это разносится, чтется, толкуется и — принимается. Противодействия же этому ни малейшего! Следствия понятны. Не раз мы укоряли крестьян, что они слушают какую-нибудь бабу. И вот что каждый раз отвечали нам: «Что же делать? Вечера долги, без дела сидеть скучно, а знать-то что-нибудь хорошее хочется». — «Но у вас есть грамотный; пусть он читает, а вы слушайте». — «Да что читать? “Путь ко спасению”, “Потерянный рай”¹¹ (самые распространенные книги между крестьянами) как-то темны и непонятны; четью-минюю не достанешь, купить — не купишь¹²; поневоле слушаешь бабу». *Что читать?! Думали ль когда-нибудь об этом наши столпы православия? Не удовлетворяться, в самом деле, крестьянину вздором, вроде сочинений Эмина или «Потерянным раем»: не научить, не вразумить могут эти и подобные им сочинения, а лишь сбить с толку и запутать все понятия его. Где ж сочинения чистые, светлые и по всему — и по способу изложения, и по цене — доступные для крестьян? Их нет!! «Но столько проповедей издано, есть совершенно годные для простонародья». Правда. Но какая цель всех этих изданий? Польза для православных? Нет, барыш!.. Книга в четыре-пять листов продается за полтора-два рубля; чем толще, тем дороже; какой же крестьянин решится купить ее? А если б богатый и решил на такой расход, где купит он ее? Не выписывать же через почту! Да и по чем еще узнает он о ее существовании? От священника? Но для сельских священников, так же как и для крестьян, недоступны никакие новости, потому что недоступны никакие газеты и журналы¹³. Вот, к чести нашего прославленного православия, в каком положении наше простонародье: оно должно читать или слушать всякий вздор от неимения чтения лучшего!*

Вот почему, повторяем, при каждой сельской церкви должна быть библиотека, наполненная возможно большим числом сочинений, составленных собственно для простонародья. Пусть каждый воскресный или праздничный день (разумеется, осенью и зимой) священник раздает их для чтения желающим, а потом, принимая обратно, спрашивает, что особенно понравилось, что не понравилось, что показалось темным, требующим объяснения и т. п. Что такое

чтение, направляемое и руководимое священником, принесет неисчислимую пользу для крестьян, об этом и говорить нечего, — понятно без объяснения. Кроме того, каждая церковь должна быть снабжена нужнейшими для христианина книгами на продажу. Ценность их должна быть соразмерена не с внутренним их достоинством, даже не с тем, что стоило издание, а со средствами крестьян и должна считаться не рублями, а гривнами. «Но где ж взять денег на издание?» — скажут. А почему ради этой неоспоримо прекрасной цели не брать из кошелековой суммы каждой церкви? Обирают же благочинные! Почему не брать из богатых монастырей? Поедают же все напрасно сонмы тунеядцев! Одна лавра преподобного Сергия могла бы уделять из своих огромных доходов (ведомых по книгам, не говоря о сокровенных) по крайней мере десять тысяч рублей в год; в Тверской¹⁴ губернии есть несколько монастырей, которые без малейшего стеснения для себя могли бы уделить по тысяче рублей в год; так и в каждой губернии¹⁵; отчего же не воспользоваться этими средствами? «Но как сделать? Возникнет ропот». Как сделать? А как же собирается прибыль от свечных доходов? Сделали же это, и никто не дерзает пререкать. Возникнет ропот — между монахами? Пусть от нечего делать ропщут, беда невеликая. Но нет ни малейшего сомнения, что угодники Божии, почивающие в этих монастырях, возрадуются от такого назначения сумм, сносимых к их ракам, и освятят своим благодатным благословением чистое и святое употребление их. Да, сказанное нами не пустая фантазия: если все небожители радуются неизреченною радостью и торжествуют при обращении на путь истинный одного заблуждающегося, то уж ли не возрадуется, например, преподобный *Сергий* *, когда книга, изданная на счет сумм, снесенных в лавру ради имени его, спасет от заблуждений и гибели и направит на прямой путь ко спасению многих?

Но какие сочинения? И где взять их столько, когда теперь не наберется и десяти, сообразных с указанною целию?

Отвечаем на первый вопрос.

Прежде всего Библия на *русском языке*, собственно для чтения и отдельно некоторые части ее для продажи. Слово жизни и спасения, нетленная пища души — Евангелие — должно быть в руках каждого православного христианина. Поэтому в каждой церкви необходимо должно быть возможно большее число экземпляров на русском языке, и священник, не ограничиваясь требованиями, должен заботиться распространять его между прихожанами всеми средствами. Цена ему должна быть никак не выше 30 копеек. А чтобы сделать его еще доступнее, то печатать отдельно каждого евангелиста и продавать копеек по 10. Точно так же и Апостол. Из книг

Ветхого Завета: Псалтирь, Соломоновы: «Премудрость», «Притчи», «Экклезиаст» и «Сын Сирахов» — отдельно каждая книга на *русском* языке. Странно и непостижимо, что комитет для составления и издания духовно-нравственных сочинений и не вздумал об этих дивных, ни с чем не сравнимых сокровищах! Вот с чего бы начать ему свои действия — с издания в числе сотен тысяч экземпляров этих книг, и потом уже заботиться о составлении новых сочинений. О Псалтири мы уже и не говорим: с дивной поэзией ее, одинаково неотразимо действующей и на сердце образованного человека и грубейшего крестьянина, ничто на земле сравниться не может. Много раз мы читали ее (в русском переводе) крестьянам обоих полов и выразить не умеем всех тех чувств, которые обнаруживались явно и поразительно в слушателях.

Об одном горько жалели они, что не могут понимать так *своих* псалтирей (на славянском языке). Не меньшее влияние, но в другом роде, производило на них чтение книг Соломоновых (в пер<еводе> Павского) и Сираха¹⁶. «Что это за диковина, — не раз повторяли слушатели, — вот так и льется в душу каждое слово; ну точно, кто писал эти книжки, жил с нами: все-то знает, что ни слово, то правда, — все то ежеден так бывает у нас; да и как же складно, по-нашему; неужто и заподлинно все это писал не наш православный? Право слово, не верится». И понятно, почему эти книги производят на них такое влияние. Наш крестьянин, обладая по преимуществу практическим смыслом, не любит ни отвлеченных рассуждений, ни хитросплетенных речей. Речь его жива, быстра, обрывиста. Богато наделенный от природы рассудком, нередко он любит прикинуться простачком и под покровом шутки, аполога собственного изделия, высказывает горькую правду и поражает не в бровь, а прямо в глаз. Любимые его обороты в речи особенно в песне — антитезы и уподобления. А книги Соломона и Сираха написаны именно этим языком. В них наш крестьянин слышит свой родной говор; вот почему он слушает и не наслушается их. Практические советы, полные глубокой житейской мудрости, облеченные в такую форму, вполне доступны для разумения самого необразованного, но не лишнего здравого смысла человека; вот почему каждое слово их льется в душу крестьянина и навсегда остается там. И эти-то книги забыты или презрены комитетом! Видно, что он понимает свое дело. Верно, надеется составить и издать лучшие сочинения. Увидим.

Отвечаем на второй вопрос.

Действительно, в настоящее время слишком мало сочинений, которые сейчас же бы можно было пустить в среду крестьян с полной надеждой, что они принесут пользу. Два-три сочинения, написанных

духовными лицами, два-три светскими — и только! Даже и эти сочинения, неоспоримо прекрасные, заключают в себе важный недостаток: не языком крестьянским писаны (ближе всех к нему книга Наума¹⁷. Как жаль, что г. Максимович не продолжает больше этого прекраснейшего дела!). Видно, что сочинители не жили среди крестьян, прислушивались к говору их в городах, а не в деревнях, а потому подделка под этот говор совершенно неудачна. Мы читали крестьянам «Поучения сельского иерея» (ар<химандрита> Антония)¹⁸; вот отзыв их: «Хорошо-то, хорошо, а все не по-нашему, все по-ученому». Следовательно, от них нельзя ожидать настоящей пользы, потому что крестьянин против всего ученого имеет сильное предубеждение. Лучше всех могли бы это сделать сельские иереи, и даже иереи уездных городов, у которых в приходе есть крестьяне. «Но почему ж они не делают?» — спросят; и тем более что комитет приглашал всех.

Почему? Есть важное неодолимое препятствие для низшего белого духовенства издавать свои сочинения, в каком бы роде они ни были. Вкусившие от академической мудрости и затем поступившие в монахи с величайшим негодованием смотрят на попытки каждого иерея-неакадемика заняться чем-либо дельным и издать свой труд; с каким иезуитским ожесточением преследуют они и изданный труд, и самого трудившегося. Заседающие в консисториях, окунувшись всецело в подьячество, проникаются тем же духом; и горе иерею, дерзнувшему посвятить свой досуг на какие-либо сочинения и напечатать их! Ему скорее простят все — и пьянство, и лихоимство, — чем дерзкую мысль заняться делом полезным, чем не занимаются они. Дело невероятное, но оно подтверждается неисчислимыми фактами. Мы не приводим их, потому что слишком известны. После этого спрашиваем всякого благомыслящего и благонамеренного, есть ли человеческая возможность заняться сельскому иерею чем-либо дельным и напечатать свой труд?

Нам возражат: «Комитет — не консистория и не решится на подобные бесчестные проделки». Охотно верим. Поверим даже и тому, что глава комитета забудет на этот раз свой антагонизм к несчастным провинциальным иереям. Но эти иереи знают духовную цензуру и, пока не изменится она, не решатся иметь с нею никакого дела.

Везде, во всех народах, на всем земном шаре, обязанность цензора — смотреть, чтобы в сочинении не было ничего противного существующим постановлениям государства. Внутреннее достоинство сочинения — дело вовсе не его: суд произнесет общество! У нас цензор вместе и критик. Он смотрит не столько на то, что позволено или не позволено напечатать, сколько на то, что, *по его мнению, достойно или нет печати*. Поэтому он, не задумавшись, черкает,

марает, поправляет; и если сочинение почему-либо не нравится ему, запрещает печатать или позволяет, совершенно исказив его своими поправками, так что автор не решится сам напечатать свой испорченный труд. Если еще цензор вроде благороднейшего, вечно незабвенного *Ф. Ал. Голубинского* *, то в критику сочинения хоть не внесется ничего оскорбительного для автора, а если какой-нибудь...¹⁹ набитый книгами бездушный шкап, в ослеплении необъятного честолюбия считающий себя первым умным и ученым человеком в России, смотрящий с презрением — уже не на провинциальных иереев, а на самых протоиереев-магистров, заслуженнейших и прекраснейших профессоров; чего доброго ждать от него наилучшему сочинению, написанному не монахом? Ничего, кроме самых желчных выходов, злостных намеков, оскорбительнейших замечаний, бессмысленных вычеркиваний, нелепейших поправок и пр. и пр. Именно из этого и состоит всякая цензура. А не из таких ли...²⁰ и состоят все наши цензурные комитеты? Да, если так низко и постыдно поругались над прекраснейшим трудом Д. С. Вершинского (Месяцеслов Пр. Каф. Ц.²¹ И охота была связываться с монашеской цензурой: будто не знает!! Напечатать бы за границей, хоть на французском языке, — вся ученая Европа приняла бы с восторгом такое сочинение!), если позволили печатать, обрезав, исказив, изуродовав совершенно его сочинение, плод усерднейших, усиленнейших десятилетних занятий и изыскааний; если он, составивший себе совершенно заслуженную известность человека образованнейшего и умнейшего, был оскорблен до горьких слез (пусть спросят его самого) цензурой, положим, архимандрита какого-нибудь, но еще мальчишки перед ним, что же может быть с сочинением какого-нибудь сельского иерея? Каким оно выйдет из рук злонамереннейшего иезуита-цензора? Даже и не проникнутый насквозь погибельным антагонизмом к белому духовенству монах не может, а следовательно, и не должен быть цензором подобных сочинений, разумея цензуру, какая теперь. Что возьмет он мерилком при оценке цензируемого сочинения? Действие ли, какое он может произвести на простонародье? Но откуда знать ему истинные потребности народа и верный способ действовать на него? Помогут ли ему самые усиленные размышления об этом в кабинете? Нисколько. Для этого нужно пожить, и пожить немалое время, в самом близком соприкосновении с народом, изучить его — от его оригинального способа мыслить и до еще более оригинального выражать свои мысли. Ничего этого не зная, монах-цензор возьмет мерилком свой собственный вкус, более или менее развитый, более или менее верный, но лишь годный для оценки ученых сочинений. <...> Но мало ли что может казаться прекрасным ученому монаху и никуда не годным

безграмотному крестьянину, и наоборот? Что ж пользы, что добра от такой цензуры-критики? И не ей ли мы обязаны совершенным отсутствием духовно-нравственных книг, действительно годных для простонародья? Расскажем кстати случай, бывший на наших глазах. Сельский священник, один из лучших и умнейших, каких мы только знаем, ревностно принялся за проповедание Слова Божия. Вполне понимая, отчего зависит успех проповеди, он излагал их именно так, как изложил бы умный и грамотный крестьянин: язык его поучений был вполне язык его слушателей, до малейших оттенков. Не больше как в одну зиму молва о его поучениях разнеслась далеко; из чужих дальних приходо́в собирались его послушать, и церковь обширная всегда была полна до давки. Мы читали эти поучения с истинным наслаждением; знакомые с крестьянами не понаслышке, понимали, отчего поучения производят на слушателей такое сильное впечатление; от души желали, чтобы эти поучения были напечатаны, и даже предсказывали проповеднику блестящую и заслуженную известность в духовной литературе. Что ж вышло? В конце года он представил в комитет. Там испачкали, истерзали все проповеди...²² и возвратили автору с замечанием, чтобы он «выражался языком более правильным, грамматическим, не допускал повторений» и т. п. Через год повторилось то же. Предписано: «проповеднику учинить строгий выговор за то, что он держится прежде принятого способа изложения, и учинить надлежащее внушение». Еще через год ему не иначе позволено говорить, как с предварительного разрешения благочинного, т. е. ему из-за каждого поучения нужно было ездить за 25 верст от своего села. Естественно, он бросил все, потому что совершать непрерывные путешествия в 50 верст ему, обязанному приходом и службой, было решительно невозможно. Крестьяне плакали об этом, говорим без малейшего преувеличения. Некоторые из его проповедей, списанные грамотными, доселе ходят по рукам, несмотря на то что священник уже более десяти лет умер. К чему ж при таком непонимании, что нужно для народа, наших архипастырей, — к чему ж было бы трудиться сельским иереям над составлением популярных сочинений?

Нет, чтоб благая и спасительная воля Государя Императора была приведена в надлежащее исполнение, необходимо или совершенно изменить духовную цензуру, строжайше воспретив цензорам брать на себя права критиков и ограничив их общим правилом для цензоров: свободно пропускать все, что не противно существующим постановлениям Церкви и Государства (и какое им дело, если сочинение глупо и пошло в самом деле? Сочинитель достаточно накажется и тем, что сочинение его не пойдет); или назначить комитет из сельских

иереев, совершенно избавив их от всякого влияния монашеской цензуры и предоставив право издавать сочинения прямо от себя. Только так, а не каким-нибудь другим способом, можно возбудить к деятельности сельских иереев.

Скажем еще несколько слов о книгах, особенно нужных для простонародья. Непосредственно за книгами, о которых мы говорили, должно следовать объяснение всех православных богослужений и преимущественно литургии. Это объяснение всего более должно быть чуждо тех софистических тонкостей, которыми полно сочинение архиепископа Вениамина («Новая скрижаль») ²³ и полны сочинения в рукописях, известные в учебных заведениях под именем «Истолкования божественной литургии». Все эти тонкости, все эти усилия в каждой вещи, в каждом действии видеть символ бесполезны и там, лишь затрудняя память и не внося в душу ни света, ни жизни, и были бы решительно вредны для крестьян: они лишь запутали бы их понятия, сбили с толку — и только. Пусть крестьянин узнает, что значит: вечерня, утренняя и т. п.; пусть поймет значение слов: «аллилуйя», «паки», «миром» («Господу помолимся») и пр. и пр.; с него довольно: не будет, по крайней мере, бессмысленно кивать головой и повторять без сознания слова молитв.

Далее — объяснение всех таинств и обрядов — от молитвы родившей и до отпевания почившего. Также объяснение значения праздников и постов.

Для чтения собственно нравственного выбрать из *Четых-миней* * и *Пролога* * жития всех тех подвижников, которые во время земной жизни занимали низшие ступени в обществе, были и не учены и не образованы, но умели угодить Богу, даже не оставляя мира и всех мирских занятий.

Исчислить все, что нужно для крестьян, мы не намерены, а указали лишь на самое главное.

Приведется ли в исполнение все, что мы сочли нужным высказать? Знает Господь Бог. Но доколе не приведется, доколе свет веры не проникнет во все слои общества и даже в простонародье, не озарит тьмы, среди которой оно влачит свою жизнь до могилы, дотоле название «Русь православная» — слово без значения.

